

Татьяна Михайлова Мартюшева

Литературный клуб Исеть

Дороги Афганской войны

(Повесть)

<http://literklubisety.ucoz.com>

Курган 2019

Михайлова Мартюшева Татьяна Самуиловна

Курган

Родилась в 1954 году в с. Кетово Курганской области. В 1970 году закончила Введенскую среднюю школу. В 1975 году окончила художественно – графическое отделение Катайского педагогического училища. Преподавала изобразительное искусство, черчение, мировую художественную культуру в школах Кетовского района (с. Шмаково, с. Новая Сидоровка, с. Введенское). С юности писала стихи и повести. Печаталась в районной газете, журнале «Веси», издаваемой в г. Екатеринбурге под патронатом Всемирной федерации ассоциаций центров и клубов ЮНЕСКО, Российской библиотечной ассоциации и Российского представительства ТИССИН.

Оформление: Секерин Е.А., Платонова Н.М.

Дороги Афганской войны

*«Я был там, где стреляли, где была война,
Где от пороха лица чернеют.
В это время в газетах читала страна,
Что в Афгане поля зеленеют».*
Сергей Ермак

Мой одноклассник Женя

- Здравствуй, Таня! Не узнаёшь? Это я – твой одноклассник...

- Женя?!

Конечно, я уже в самые первые секунды узнала его. Голос у Жени был такой же, как в школьные времена. И внешне он не очень сильно изменился. В старших классах помню его стройным и сухощавым парнем; на последних фото, которое я нашла на его страничке в «Одноклассниках», видно, что и сейчас держит себя в форме.

- Он самый! Всё же дозвонился до тебя! Взял у Люды твой телефон, - не отвечаешь! Наталье потом позвонил, - дала другой номер телефона.

Люда и Наташа наши общие одноклассницы.

- А я тоже взяла твой телефон у Люды, - слышала, что, зачем-то ты разыскиваешь меня. И ты не ответил на мой звонок. Нашла в «одноклассниках», написала тебе. Тоже, - ни ответа, ни привета.

- Да я там и не появляюсь, страничку завели мне, но я как то не дружу с компьютером. Не люблю я и этот интернет.

Странно, я считала, что парни наши более продвинутые в новых технологиях, многие институты закончили...

- Знаешь, по какому делу я тебя разыскивал?

- Женя, потом о деле! Расскажи хоть где ты и что ты. Столько лет не виделись! Сорок три года прошло, - сделала я быстрый подсчёт.

- А, нет! Вспомни ка, когда виделись последний раз!

- Наверное, с выпускного вечера не виделись?

- Нет, я из армии пришёл, собирались несколько одноклассников у Сашки, помнишь?

- Нет, увы, не помню...

- Семьдесят четвёртый год! Да была ты там!

- Возможно, я тогда была в Катайске, в педучилище ещё экзамены сдавала...

- Да нет, точно была! У меня даже вещдок есть, что была!

- Какой? Я смеюсь, заинтригованная.

- Я всё ещё храню твой рисунок. Мой портрет нарисованный карандашом! - Ну, тогда точно была, против такого вещдока никуда не попрёшь!

Конечно, могла ли я помнить это? У меня тогда, другой парень из головы не выходил, - мой однокурсник, служивший срочную в Эстонии. И все мысли мои были с ним. И то, что рисовала Женьку тогда, напрочь выскочило из головы. Я вспоминаю его в нашей школе на уроке литературы, он читает монолог Онегина. Суховатый голос, холодноватое лицо с правильными чертами лица мне напоминало этого героя. Но он не был моим «героем», тогда мне нравился другой одноклассник. Женя продолжал:

- Живу сейчас в Миассе. Дом, жена, любимая собака.

Я вспомнила фото с его странички, где он сидит в кресле, рядом собака. - Дети уже сами по себе. Может, слышала: закончил я в Кургане институт КМИ, женился. Уехали жить и работать поближе к Уралу, больше возможностей было.

Да не о том я хочу тебе рассказать. А как я очутился в Афгане... Молодая семья, хотелось улучшить жилищные условия. Ехал подзаработать, не знал, какая война там была, думал, что ввели контингент, как в Германии. Когда гробы привозили, - другое уже понял... Я был офицером запаса после военной кафедры института. Пошёл бы в военкомат, то забрали бы на службу. И льготы бы потом были...

Отцу сказал, что поехал в Германию. В письмах лукавил, мол, в Дрездене! Фото высылать не разрешалось. Письма что писать? Цензура была строгая. Жена говорила мне, что письма, приходившие к ней, вскрывались. Была пометка: просмотрено. Поэтому высылал открытки с фото Сирийских красоток - актрис в сари с открытым немногословным текстом на обратной стороне, - несколько моих строчек. Когда выслал в письме фото родителям, то отец в ответном письме написал: «Ты что, за дураков нас держишь? Какая Германия?» Отец был в плену в Германии, Австрии. Ранили в августе под Вязьмой в 1941. Рука у него была прострелена. До войны он в погранцах служил в Прибалтике. Хуторы, фольватеры. Поражала его культура тех мест - Европа! Никак он местность на фото спутать не мог! Где Афган, и где Германия! Отец Жени, Дмитрий Тимофеевич, преподавал в нашей школе. Вёл уроки истории, географии. Когда мои одноклассники просили его рассказывать на своих уроках про войну, то он не очень

охотно вспоминал былое. Очень волновался, и у него, то нервный тик при случался, то рука тряслась....

- Короче, Таня, всё ещё из головы у меня это не выходит, - Женя глубоко вздыхает, - кручу – верчу всё в голове, не сплю подолгу и сны часто про Афган вижу, засел мне он крепко в голову. И хочется освободиться, а не могу! У мамы была, помню, книжка «Мысли в пути», написал её Станислав Долецкий, и она мне её подарила. Как-то перечитывал и наткнулся на строчки:

«От обилия набегающих мыслей можно избавиться только одним способом – предать их бумаге».

Когда я узнал у Люды, что ты пишешь, - решил попросить тебя описать всё, что я помню, что мне покоя не даёт. Вот про это «дело» я тебе и говорил. Сможешь? Хоть изменяй имя, хоть нет,- пиши, а я по телефону буду тебе всё рассказывать.

- Сложное это дело, Женя, трудно мне за это браться, ведь, что я знаю об этом?

Первый раз в жизни я познакомилась с жизнью Афганистана, прочитав в шестом классе роман «Чёрные розы», её написал Сахиб Джамал. Помню, меня поразила тогда бедность этой страны, дикие обычаи в отношении женщин, - их бесправие.

Я вспомнила, как в 1988 году, услышав о зверствах духов (уже больше тогда писали) я плакала навзрыд, представляя матерей погибших воинов, как они это всё вынесли, ведь у меня у самой были маленькие сынишки. А вдруг... Муж успокаивал, говорил, что к тому времени закончится война. Кто знал тогда, что впереди ещё Чечня, и его сын от первого брака Дима будет там?

У нас были свои заботы, мирная жизнь, дети... Мы как - то отодвигали от себя это страшное - войну. И потом, когда закончилась Афганская компания, я знала близко только двух человек воевавших там. Психика у них была нарушена. Пили, дебоширили дома. Но, как знать, что они прошли? Сейчас психологи название дали этому, - афганский синдром.

- А столько всего написано, Женя, и снято про Афганскую войну, что я смогу, - не уверена.

- Да, не всё являлось правдой, что тогда писали о войне в газетах, многого не довели до нас, – сетовал Женя. Я постоянно над этим думаю, сопоставляю и часто не могу свести концы с концами. Я не претендую на то, что много знаю о той войне, что принимал участие в каких-то больших переделках. Там каждый просто делал своё дело, - кто стрелял, кто лечил, кто кашеварил, кто грузы возил...

- Ну, что, договорились? Будешь писать? Женя выжидательно замолчал, давая мне время подумать.

- Попробую Женя. Но, не знаю, получится ли? Буду тебе перечитывать всё написанное, боюсь ошибиться в чём – либо. В конце концов, из отдельных воспоминаний отдельных людей и складывается правдивая картинка бытия.

Мы говорили часа по два в день. То он мне звонил, то я перезванивала. Уточняла детали, названия, переспрашивала часто о том или ином случае, записывала на листочки. Прошло лето, осень, зима, весна, ещё лето и осень... Я не могла, всё же, начать писать... Женя рассказывал всё сумбурно, перескакивал с события на событие. Его переполняли воспоминания, а мне было сложно всё правильно воспринять. И уже этой осенью он ещё раз мне всё пересказал по телефону. Позвонил и несколько дней назад, посетовал, что умерла его собака, овчарка Джеки.

А я на этой неделе посмотрела фильм «Крепость Бадабер». Это фильм, тяжёлый. Не все, поэтому, смотреть его стали. Трагические события.

Сегодня 15 февраля, - день вывода войск из Афганистана... Я решила начать писать.

Горячая пыль Пули – Хумри

*«Пули-Хумри, долина как мертвая пустыня.
И только нить дороги проходит сквозь нее.
Здесь друга повстречаешь и многое узнаешь.
И радости и горя хлебнешь тут через край».*
Сергей Ермак

- Из первых моих впечатлений... 1985 год, ранняя весна. Въезд в Афган... Горы вдали и горы пустых консервных банок. Почему - то это мне бросилось в глаза и отпечаталось в памяти. Да ладно, по порядку.

Улетали мы в Афган через Свердловск. В Ташкентском аэропорту две девушки ко мне прибились. Увидели, что паспорт синий. Значит, в одно место летим. Одним страшновато. Из Ташкента самолётом ту-104 летим вместе с девушками на аэродром Кабула. Предупредили меня: «Вы аккуратней, таксисты берут много, хотя ехать не далеко до части. Берут двойную плату, круги делают». Я советом воспользовался, говорю таксисту, чтоб вёз нас прямо без круголей, здесь мол, близко.

Двое суток пробыл на пересылке, - не было свободных бортов. Новобранцев

набирают, нас выгоняют с борта, потом, мол, позднее улетите. И вот, на самолёте, нас доставили в Кундуз. Улетали мы с военного аэродрома. В Кундузе сели, а на нас ноль внимания, вроде никому не нужны. Там, на пересыльном пункте, с девчонками и расстались, у каждого своё направление. Меня с ребятами дня два держали в Кундузе, который находился в нескольких километрах от границы с Таджикистаном. Угнетающая обстановка, там сам по себе, потеряешься, - никто не спросит, никто не хватится тебя. Ни как не удавалось нас быстро отправить на нашу базу. Погода - дрянь. Кормёжка фиговая. Никому ничего не надо! Начальник пересыльного пункта, инструктируя нас, ехидненько подсмеивался: «Если начнётся обстрел, не надо лезть под кровать, вон ров, бегите и в него падайте». Пришли к офицерам. Вертолётчики. Пьяно, стены в крови! Потом, всё же, двоих нас с парнем посадили на «бобик» и отправили в часть. Парень - почти земляк – со станции Шали - Малышев Лёшка. Повезли! А куда? Воинская часть № 81444, а что это такое?

Вертолётчик высадил и пошёл в другую сторону. А я - к городу с чемоданчиком. Ехали ребята в часть, подвезли на машине. Познакомился дорогой с Тофиком, оказался земляком из Асбеста. Наткнулись на мою часть, выгрузили - оказалась автомобильная бригада. Приехали, как раз было 8 марта. Утром пришли на развод. Шёл мокрый снег, лужи были подёрнуты льдом. Только в апреле жара началась, и уже жарило всё лето. И лишь к сентябрю она спала на двадцать градусов.

Наша часть стояла в Пули-Хумри, это чуть больше ста километров и южнее города Кундуз. Туда нас доставили на вертушке. «Если хочешь жить в пыли приезжай в Пули-Хумри!» Об этом месте наши солдаты часто говорили: - дыра, страна гор и перевалов.

Слышала, Таня, группу «Каскад»? Песня на стихи Сергея Ермака:

«А мы с тобой в Пули-Хумри, в долине смерти и пыли, посередине древних гор, где солнце каждый день в упор».

Представляешь, Таня, там такая пыль! А песню «Афганский ветер», стихи к ней написал Николай Зиновьев? «Афганский ветер быстротечный, как взрыв горяч, вновь за звездой пятиконечной следит басмач», - цитирует по памяти Женя. «Афганец» - так там называют сухой, горячий ветер.

- Знаю, конечно, что «Афганцем» его нарекли! Помню с уроков географии, что песчаные бури характерны для этого региона. Твой отец хорошо географию преподавал!

- Мы жили в Килагайской долине, километра четыре от Пули-Хумри. Было где

ветру разгуляться!

- Так вот, как подует «афганец» с пустыни, то сутками света белого не видно! Пыль, как туман висит! Жёлтая, грязного оттенка, пыль - туман, взвесь! В пяти метрах ничего не видно. Вдали гора, если гору не видно, - знаем, вертушка летать не будет сегодня, писем, значит, не будет! А так ждали... Всемогущий песок везде! В столовую придёшь и здесь в посуду попадает, ешь и на зубах скрипит. В казарме слой пыли, встряхнёшь подушку – облако пыли. Под ногами пыль, как мираж, если кинешь камень, - круги расходятся, как по воде.

«На мне осела эта пыль, это не сказка,- просто быль, пыль въелась в душу прямо через кожу», - как в песне Сергея Ермака...

- Ну, у тебя и память, - цитируешь! – поражаюсь я.

Ещё местные страшилки – кобры. Прапор говорит, что они тут водятся. Когда шёл в столовую попалась дохлая кобра. Бог миловал, - больше не встречались!

И ещё запомнилось одно яркое впечатление - землетрясение! Помню, солнце жарило нещадно! Было вялое послеобеденное время, когда после столовки все кто - куда расплзаются, что бы отдохнуть от пекла. Залезли мы в противопожарный бассейн, сидим, отмокаем, разговариваем. И тут услышали нарастающий гул. Ну, мы к разным грозным звукам привыкли уже.

Жили мы в облегчённых модулях – щитовых бараках. Танки, врытые по башню, - бьют и бьют по точкам – модуль шатается. То с точек стреляют, то машины гудят, то вертолёт. Но, когда наши КАМАЗы «заплясали», - с одного на другое колесо стали подскакивать, то тут мы струхнули, - необычно всё. Выскочили из бассейна, земля под нами, как под пьяными – беспомощное состояние, тут уж мы ничего поделать не можем, природа - сильнее нас! Прыгнули назад в бассейн. Не много баллов было и всего два толчка, но для нас, равнинных жителей, это жуткая экзотика!

Афганистан, как это интересно

*«Афганистан, чему вас там учили?
Спросил отец, наверно воевать?
Да что война, скажи, как вас кормили
И сколько спали, спрашивает мать».
Песня группы «Каскад».*

- Может, слышала Таня ты такую песню, слова подзабыл, но там есть такие

строчки:

«Афганистан, как это интересно,
Ведь там война, я знаю из газет,
Сказала девушка, ко мне прижавшись тесно,
Какой на это дать я мог ответ?
И я сказал, что там чуть-чуть стреляют,
И что душманы - пакостный народ
Бывает так, что в руку попадают,
но больше получается в живот».

Если что, поищи, пожалуйста, в интернете слова... Она очень хорошо отражает представление многих в Союзе в те первые годы об Афганской войне...

Вот и я тогда задавала свои женские вопросы:

- А бытовая жизнь как? Как кормёжка?

- Ну, как, заходишь в столовую, - всё бесплатно: каши, первое.... Одни консервы в восемьдесят шестом году! Кормили хорошо, даже собаки уже тушёнку не ели! Завезли тогда в Союз кенгурятину из Австралии. Целая колонна рефрижераторов. Любопытно, мясо нежное, ели по первости, но, когда часто... Правильно, не наша еда! Помню, когда служил на срочной службе, то видел тушёнку настоящую, с госрезерва. Хранилища - в Сибири, в ледниках пробитых, они не портятся, лежат. Стратегические запасы за 1890 год - туша! Сам видел клеймо! Туши мы рубили.

- А где ты служил?

- В Красноярском крае. В городе Ужур. В ракетных войсках стратегического назначения. Охраняли ракетный комплекс «Сатана».

Ещё давали красную рыбу. Солёная!!! Часто в столовой, в центре стола, тарелка с нарезанной рыбой стояла. Приловчились потом на складе вымачивать. За один час соль вытаскивает, тогда можно есть. Разумеется и сгущёнка в столовой всегда, куда без неё, - любимое лакомство! Кстати, в столовую, с автоматами никому входить было нельзя. Оставляли кому-то одному, пока ходили в столовку, а в машине не оставляли, так как случались кражи, - было такое. За оружие хорошо платили.

- На фото смотрю, - говорю я, - вы одеты не по форме вроде... Кто в чём.

- Солдаты понятно, - форма по уставу. Но, отклонения в ней были, так как солдаты оказались в таком жарком климате, среди гор, что приходилось импровизировать. Перед выездом, на построении, солдаты стояли одетые по форме. Садись в машины в касках, бронежилетах, а только отъезжали, - сбрасывали каски, а бронежилеты вешали на боковые

стёкла машины, - они по центру перегибались, - одна половина с одной стороны стекла, - другая с другой. И не жарко, и голова прикрыта от пули! Солдаты на ногах носили берцы,- ботинки такие, а те, кто в горы ходил, - признали кроссовки самой удобной обувью. Одежда служащих, - как хотели так и одевались, штабных это раздражало...

- А как там женщины в такую жару в парандже разгуливают?

- Так вот и разгуливают! Только одну видел с открытым лицом, без паранджи, - в книжном магазине торговала. Разговорились, - оказалась из Союза! Вроде узбечка. Вышла замуж за Афганца, - учился у нас, потом уехали на его родину.

- Женья, ты ведь в боевых действиях, хотя и не участвовал, но опасности, наверное, не раз подвергался? – спрашиваю я при очередном нашем телефонном разговоре. - Тоже в разных переделках, наверное, побывал? Очень опасна была твоя «работа»? На афганских фото я видела тебя и других ребят с автоматами.

- Знаешь, есть официальные данные о том, сколько человек побывало в Афгане почти за десять лет войны. Я же интересовался, читал, как в газетах писали, и другие данные просматривал в интернете. Сколько служило, сколько погибло... Разница большая. Пишут, что больше гораздо погибло. А вот официальные данные: шестьсот двадцать тысяч всего там побывало, пятьсот двадцать пять с половиной тысяч - это солдат и офицеров, девяносто пять тысяч - представители КГБ и двадцать одна тысяча - это гражданские служащие. Вот к последним я и относился.

Меня назначили зав. хранилищем резиново - технических изделий. На подотчёте были камеры, покрышки, сальники, уплотнители т.д. Сортировал всё. Учёт, переучёт. Ездили из Пули-Хумри до Хайратона и обратно, успевали за сутки, если без колонны. Иногда не ждали её, получалось быстрее. Но это было запрещено. Потому, как колонны ходили под прикрытием. Но если был на дороге контроль, то только с колонной позволялось выезжать.

Из Пули-Хумри до Кабула и обратно успевали за двое суток. В Кабуле была центральная база. Машины, допустим, с товаром придут, - разгрузить всё, рассортировать и разложить надо. Старшим ездил, сдавал груз, накладные выписывал. Машины: КАМАЗы с полуприцепом, и бортовые машины в колоннах ходили, и тягачи. Мы «таскали» к себе с границы продукты, медикаменты, а грузовые вертолёты грузились у нас и в Кундуз. Два - три раза в неделю ездили. В восемьдесят пятом году или в восемьдесят шестом - пришёл новый командир. При нём стали ездить почти каждый день. Построен был новый ангар, нужно было его заполнять товарами. В командировку,

уходил с колонной. ТЗПп, по - простому - военторг, там служил в восемьдесят шестом году. Принимал товары начальник афганского военторга, нарвался на него в Кабуле. Поругал меня из-за бороды, - почему это я не бритый? Пришлось сбрить.

Когда вёз старшего лейтенанта на гауптвахту, - несколько суток ареста, старшим меня отправили сопровождать, с одной стороны стояли наши части, с другой, - дувалы, - это такие афганские жилища, стены которого сложены из самана.

Останавливает патруль, мы прижались к обочине, капитан с солдатиком машину какую – то теребил. Бачата – афганские мальчишки, бегают гурьбой, пускают змей, увидели нас - бегут к автомобилю. У капитана на плече автомат. Он ко мне лицом стоял, вдруг поворачивается и очередь в их сторону, пули просвистели совсем близко над бачатами. Первый раз это увидел, говорю, - ты же застрелишь?

А потом и сам так стал отгонять, что б не натворили чего, - зазевашься, отвернут подфарник и всё, что окажется под рукой. Могли бачата и в кабину залезть. Машина без присмотра – разберут на запчасти! Стрелял в воздух. Они адаптированы к этому, не тушуются, - просто разворачиваются и неспешно уходят.

Проезжали однажды в Кабул из штаба армии по объездной дороге, по окраине, по индийскому кварталу. Это, что б не ехать мимо афганского кладбища. Тех, кто богатый, - в склепах хоронят, или могилу роют и плиту каменную сверху кладут, а трупы бедняков засыпают камнями, - там такой смрад стоит, в ста метрах невозможно дышать. При такой температуре, наверное, трупы высыхают и мумифицируются. На встречу шла индийская свадьба с песнями, в цветочных венках, молодых посыпали конфетти, лепестками роз. Мы прижались к обочине, пропустили яркую, орущую толпу. Красивая свадьба! Как в Индийском кино!

В Кабуле же, пока водитель поехал заправляться, я решил доехать до центра. Ловлю попутку, едет такси. Я то, ищу взглядом другие машины. Проехало такси, притормаживает, на заднем сидении сидит женщина без паранджи, улыбается и большим пальцем показывает вниз. Я развернулся и пошёл от них назад. А они вперёд газанули. Парням рассказал, сказали - афганская проститутка. Война, не война, а древняя профессия обязывает!

Была в Кабуле у нас привязанность одна – овчарка, кличка Пинчер. Но звали ласково Пиша, или Пишок. Ребята мне рассказали, что переболел чумкой Пишок. Выжил, но голос потерял, а так всё слышал, на всё реагировал. Всех, кто ему не нравился – подходил и, молча, кусал. Одного прапора искусал, не знаю, что он ему не понравился?

Так он ко мне в вагончик ходить боялся, - лучше ты ко мне, говорил, заходи.

Я, по приезду, Пишку приласкал, - стал он ко мне приходить в вагончик. Скажешь: «Пиша, ложись, ложись», - тут же прыгал в кровать и на бочёк! Передние лапы вытянет и головой на подушку, как человек. Скажешь: «Пиша вставай», - встаёт! Очень умный пёс был...

«Зелёнка»

*«А в нас стреляют из «зеленки»,
Фугасы ставят на пути, -
Подрывы, минные осколки,
Но есть приказ, - вперед идти».*
Сергей Ермак

Приписывали нас к разным колоннам. Вечером приходил на развод. Накануне выезда сообщали кому, куда выезжать. Выезжали раньше, что б успеть засветло вернуться назад. У меня две машины, редко четыре. Какая-то защита всё же для нас, - два БТР, зенитные установки, - прикрытие колонны. На ЗУШке стрелок открыт. Идут рядом с «зелёнкой», - совсем без защиты.

- Женя, что такое «зелёнка», - спрашиваю я.

- «Зелёнка»? Женя запнулся, подумал, словно не понял вопроса. Он, наверное, всё ещё, мысленно, там, где бомбят. Зачем его прервала? – И, вздохнув:

- Там мало зелёных оазисов, где вода, деревья, кусты. И, уже воспоминания повели его дальше...

Доставалось нашим колоннам - духи не дураки, долбили по первой и по последней машине. И, - машины в ловушке! Разбили колонну, горят бензовозы – «наливники», перевозящие авиационный керосин для вертушки, не подойти, такой жар стоит, как паяльная лампа. Металл деформируется. КамАЗы искалечены, - модель не узнать, так как металл тонкий. Метод партизанской войны, ещё в Отечественную войну так же делали. Колонну расстреливают, как в тире! «Зелёнка» близко к дороге. Наши солдаты вырубали деревья, что бы не прятались там «духи» с гранатомётами. Всего ничего, - несколько десятков метров. Страшный сон! Как в песне той же группы «Каскад»: «И снится мне ночью «зелёнка», «зелёнка», - войны заколдованный круг».

По дороге в Кабул кишлак Хиджан - мёртвое место! Асфальт в солярке, значит, раздолбили колонну. Стоять ночью нельзя нигде - мишень!

Поехали на границу, в Хайратон. Подъезжаем, пересохшая речка моет железобетон, пролёт центральный упал, БТР цепляет и по песку вытягивает его, регулировщик – контролирует движение на трассе. Это прапор, начальник пропускного пункта Айбак. Мобильные передвижные единицы: БТР, БМП, танки убираются, когда движение колонн прекращается с наступлением вечера. Утром с колонной выставляются.

А там две трубы идут: авиационный керосин для топлива из белого нержавеющей металла под большим давлением, и «наливники» ходят, это машины возящие топливо. Наехал танк наш на трубу и вспыхнул, солдатик испугался, выскочил... Танк лежал внизу под мостом - башню сорвало, и упал в высохшую речку - заряд детонировал.

Перед Кабулом оторвались от колонны, едем, а впереди факел бьёт под давлением, двадцать метров вверх. Ракету бросили и трубу пробило. Напротив - наш пост. Духи лупят по нашим из «зелёнки», а они их. Под гнутым зонтиком пуль и снарядов проскочили в Кабул. Ещё, пакость, какая!

Наша трубопроводная бригада утром выезжала, контролировала по всей длине. Шестиметровые трубы стыкуются муфтами, а искорёженные взрывами звенья выбрасывают. Сапёры не всё могут проверить, - поставленные духами «итальяшки», «лягушки»... ступни отрывают. Круглые, чёрные мины, очень мощные – гусеницу порвёт, колёса оторвёт. А это горючее! Пока нет саперов, то лужи и натекают.

Озерцо из солярки! Утром, как рассвело, - сам видел, - афганские ребятишки, и старики солярку собирали в разную посуду, - тряпочку намочат, и выжимают. Даже последнюю жидкость, вместе с пылью и грязью собирают. Дрова у них дорогие, а тут - дармовое горючее!

Едем в кишлак на равнине Джабай-ус-Сарац. Слева - Баграмская «зелёнка». Обратно спустились сами с Саланга, там наши стояли. Колонны ночуют на площадке – отстойник, там стоят КамАЗы, ровное такое плато чуть возвышается, а дальше - «зелёнка».

Утром, только рассвет забрезжил, слышим команда: Баграм! (там служил генерал Александр Руцкой в десантно-парашютном полку). Дорога ниже города в двадцати метрах, там стоят наши БТРы и лупят в «зелёнку». И штурмовики, - самолёты с Баграмского аэродрома летают. Операция началась. Кишлак справа, - «зелёнка» слева. Сверху заходят по два штурмовика, идёт кабрирование, - штурмовик заходит на цель под углом и резко уходит вверх, а бомба, на парашюте, идёт по инерции в цель, движение – «изгиб кобры». Отблеск и ударная волна, - бомбят. Самолёты могут на борту нести только одну бомбу. Сбросили и в аэропорт, на смену другой следом летит и так по кругу, волна за волной.

...Наша пехота идёт следом, солдаты по восемь - десять человек зачищают местность после бомбёжки.

Канонада, когда встали утром. От неё и проснулись, а легли за полночь, в кабине не

поспишь, с боку на бок вертишься.

В другое время, как-то подъезжаем к кишлаку Айбак, слышим шум какой-то, машина из ТЗБ, но не нашего, вроде из Файзабада, - МАЗ гружённый мукой, сбил старика с ребёнком, которые ехали на двуколке, это лёгкая повозка запряженная ишаком, - раздавили, растерли их по асфальту. Водители пьяные были. На их счастье, это произошло в районе поста, комендачи замяли это дело, иначе местные растерзали бы их на месте. Там много народу в это время было,- выскочили тоговцы из своих дуканов, парнишки - бачата бегали, как всегда, стайками. Откупились мукой, - мешков 20 дали и деньгами, - какая была сумма, история умалчивает; и быстро, быстро уехали. Кто-то из наших солдат, наверное, заплатились потом за этот инцидент, не без этого, - кровная месть, такое ими никогда не прощается. Где-нибудь мину на дорогу подложили, или другую, какую каверзу учинили. Что им эта мука...

Женя рассказывает, как уставшие от гор и пыли солдаты хотели найти минуты отдохновения в природе. И часто это чуть не стоило им жизни.

- Водитель Виталий Сабуров из Питера предложил мне в свой первый рейс:

- Пойдём в «зелёнку»! - интересно ему всё поначалу. - Взяли автоматы, пошли. Пехота - в «зелёнке», только пехота без танков. Слышу, автоматная очередь. Смотрю: лужайка, афганец - дед бородатый, вол рядом пасётся, а дальше - три наших десантника. Двадцать метров до копны сена, а они по ней из автомата трассером. Копна метра два высотой задымилась. От нас в трёх метрах. Афганец: «Не убивайте, шурави!» - только на своём языке и с красноречивыми жестами. Советских солдат они так называли, - шурави. Десантники автоматы на перевес от азарта... Они пьяные, а один с автоматом, лупит с плеча. Стоял ко мне боком, потом неожиданно повернулся, - увидел меня, а палец на спусковом крючке...

- Что вы ребята делаете? Что ещё сказал, не помню.... У меня автомат наготове, у товарища - опущен.

- Ну, что,- говорю, сходили, Виталя, в «зелёнку»?

Госпиталь

«Под белым халатом не спрячешь погоны...»

Белоключевский Сергей

Речка Кабулка, когда пройдёт сель - красная. А во вторую половину лета холодная и прозрачная, - горная река! Когда проезжали мимо неё выскакивали из машин и набирали

воды: кто во фляги, кто во что. Пили её, умывались. С восьми до двенадцати утра работаем под раскалённым солнцем, потом с четырёх до шести. Как «афганец» подует, прекращается и сама жизнь.

- Какую ты Таня жару испытывала в жизни?- спросил Женя, когда мы в очередной раз говорили по телефону.

- Ну, около плюс сорока, наверное, бывала у нас в Зауралье такая жара!

- А тут пришлось работать под шестьдесят! Испепеляет, ужасный зной!

- Приходилось ли тебе в такую жару, где искупаться?

- Один раз я купался, когда ехали в Хайратон. Болотце маленькое среди пустыни. Подходим, залез в воду по грудь, ополоснулся, - вода горячая! Источник какой-то. Да, залезил ещё в Амударью с другой стороны, где мост на Хайратан. Мутная река, но не мог пропустить, - окунулся. Едешь в машине, солнце жарит! Частый вопрос у нас был друг к другу:

- Ребята, минералка есть? Продавались и Нарзан, и Эссентуки, но только когда выпивали бутылку Боржоми (она более газированная, чем остальные), и наконец, когда по горлу прокатывался последний глоток, только тогда в мозг шёл сигнал, что наполнился желудок живительной влагой. Тогда мысль, - утолена жажда!

Наш госпиталь в Пули-Хумри. Наши солдаты болели, их просто косили болезни. Мухи! От них чумеешь! Ужас! Повсюду брюшной тиф, гепатит, малярия, дизентерия. Букет,- если всё вместе. Вода фиговая, - вбухивали в неё много хлорки. Помнишь, может, Таня, раньше такие ароматные пакеты с кофе продавали? Так их аромат не мог запах воды местной перебить! Многие болели гепатитом - желтуха иначе. Видел, ходили парни с жёлтыми глазами, но, что меня особенно поразило...

Так вот, со мной в комнате жил тёзка, Женька из Одессы. Мы сумели с ним выбить комнату на двоих. «Залетел» он тоже с желтухой в госпиталь. Взял я воду-минералку, сок купил и пошёл навестить его. Захожу к нему в палату и вижу: на Женьке синяя пижама, а на груди, - такой ещё контраст, - абсолютно жёлтая кожа. Ну, и я не избежал этой участи, тоже попал с гепатитом. Мать моя медработник, заставляла с детства руки мыть, - бояться не стоит! Попался! Раз утром встали - у водителя глаза жёлтые. Пили из одной бутылки, фляжки! У меня билирубин был не большой, ночью не спишь, организм слабеет. Вялотекущая болезнь - ещё хуже, мать потом сказала. Солдат высокий красивый, кучерявый схватил «букет». Выжил благодаря тому, что в госпиталь приехал главный инфекционист. Он его отправил в Кабул. Это было в семьдесят шестом году. В Москве

случайно встретил его в восемьдесят восьмом году на железнодорожном вокзале. Узнали друг, друга, обрадовались встрече.

Зашёл в модуль – барак, начал тыкаться по палатам, заглянул в одну - вижу, - девчонка лежит, как не живая. Официантка, недавно прибыла, красивая, высокая. Страшная болезнь такая, и ни таблеток нам! В палате лежали три офицера, солдат и я. У всех более-менее проходила болезнь, а у капитана, лежавшего у стены, было бледное, почти белое лицо, смотрит в потолок, без эмоций, даже, не шевелится. Ему ставили капельницы. Не знаю, выкарабкался ли бедолага. Полегчало как, пришёл я из госпиталя и тут узнаю – эпидемия холеры. Прививку мне воткнули! Думаю, куда я попал...

А мне очередной отпуск в августе в тысяча девятьсот восемьдесят шестого был предоставлен. Приехал домой как раз в день Железнодорожника. Отец, встречая, смеётся: «Ну, что, здорово, душман!» Я с бородой был. В Миассе в инфекционной больнице сдал анализы на билирубин, двадцать две единицы выше нормы на десять единиц. А там, в госпитале у некоторых солдат было за двести единиц. Сестра моя помогла достать индустопан. В Афгане больные лечились, кто, как мог: кто аспирином, кто настоем из верблюжьей колючки, кто «от живота» корой дубовой, - привозили с родины, из отпуска.

Врачи в госпитале были и военнослужащие и гражданские. На одном фото ты видела, парень в центре стоит, - это Серёжа из Железноводска, массажист. Он мне ногу массировал. Помогал в госпитале раненым в восстановлении после операций. Тем, кто долго лежали, он массаж делал, чтоб пролежней не было.

Кстати, в госпитале медсестричка Таня была, ногу мне тоже лечила. Так встретил её случайно в Миассе, вот радости то было! А там и не знали, что земляками были!

Трудовые будни войны

*«Кто водил свой КамАЗ по афганским дорогам
Кто ходил в Кандагар, на Газни и Гардез,
Тот нам скажет, что видел, что сердцем потрогал,
испытал все, что смог под самый обрез».*
Сергей Ермак

Женя рассказывает отрывистыми фразами; отдельные воспоминания - яркие вспышки, часто не связанными друг с другом. Это для меня так, а у него это всё объёмно, расцвечено воспоминаниями; это мне надо разгребать и выстраивать хоть какую-то логичность в рассказе. Конечно, кто там побывали, то с полуслова бы поняли друг друга.

А я спотыкаюсь на терминах, сложных и непривычных для уха названиях городов, техники, оружия. Часто слышу от него: «Ты слышала, наверное?» Иногда переспрашиваю, иногда молча, киваю головой, говоря «угу», чтоб не прерывать его воспоминания. А сама, после быстро в яндекс, в поисковик и просматриваю карты Афгана той поры, видео. И у меня встают объёмные картинки...

Но, надо быть там и тогда, что бы до конца понять и прочувствовать все тяготы и ужасы той войны.

Женя спросил меня недавно:

- А смогла бы, Таня, ты полететь туда на самолёте, вертолёте, поехать на машине, ну хоть в качестве корреспондента? - Ничего вопросик! Сразу ответ:

- Нет, Женя, я – трусиха! Я самолётов ужасно боюсь! - А на машине? - Нет! И подумала: - а как другие женщины там работали в то время, - санитарки, поварихи? А, может, смогла бы?

- У духов схроны у Баграма, - рассказывает Женя, - на контрольном пункте дыра в земле прокопана. Заглянул, - как в бездну. Рассказывают, что там прорыты ходы разные. Один метр в диаметре, ничего ямка! Я бросил лимонку – звук: пук - глухой звук, даже пыли не поднялось! Граната взрывается обычно через три секунды, – наверное, метров тридцать было в глубину. Такие глубокие ходы. Духи часто там скрывались.

Кстати, пленных духов впервые увидел в первую командировку. Когда попали к начальнику кабульскому, нам с водителем приказали везти их на ГАЗоне в глинобитную тюрьму. По приезду, пока старший лейтенант сдавал их, я и увидел впервые бородачей. Ну, как обычно в кино показывают: чалма, или шапочка – паколь, приплюснутая такая. Рубахи, шаровары, жилеты, пиджаки, плед накинут на плечи - однообразная одежда.

Всякие случаи были...

Майор Радченко, спецназовец, наступил на мину, оторвало ступню. «Бабочка»-противопехотная мина, он на неё и наступил. Порой заноза в палец - паника, а тут - сильный мужчина...

Временно в Ташкенте сделали ему протезы. Переплыв через Амударью, нелегально попал в свой полк. Это было легко. Благо его ещё не успели отчислить. Снова на операцию пошли, попали в плен. Духи увидели, что ступни нет, водкой напоили, пловом угостили и отпустили на свободу.

- Помнишь, двадцать лет назад был в Москве на Котляровском кладбище взрыв? В

ноябре девяносто шестого. По телику показывали... Группировки тогда бились за деньги. Терроризм начал голову поднимать.

И Радченко попал в ту пору под автомат,- попал под обстрел - семь пуль в голову, а его - в машину. Знаю, что он принимал ещё участие в «Союзе Афганцев». Дальше его путь не помню.

Когда грузы возили, нас к колоннам приписывали. За сутки порой возвращались. Помню, - начальник колонны, недовольный такой, говорит, что, если отстанете от колонны - догоняйте, как хотите, у меня свои... Отношение такое тоже присутствовало.

Приехали в Кабул в другой раз, зашёл к знакомому Юрке на КП. Раз звонок, - нашу колонну в Аминовке долбят. Это, где их Амин родился. Надо же помочь, поехали! Не поехали, хотя там был БТР. Пусть, мол, кому надо едут. И такое было...

Ночуют солдаты у нас в отстойнике. Солдаты варят на костерках ужин, а офицеры по знакомым разбредаются, вечер скоротать, - поболтать, в карты поиграть. Спать солдаты ложились в полуприцепы, - в кабинах жара жуткая. Однажды, так же вот колонны ночевали, а обколотый, или обкуренный сержант – медик бросил гранату в спящих солдат, потом в себя. И что ему обдолбанному дураку показалось? Может духи поблазнились? Что с мёртвого спросишь? А солдатики погибли. Начальник колонны сначала даже не знал, кто это сделал, но потом, недалеко нашли багровый от крови военный билет...

А самострелы? Это те, не считается? Задраил один солдатик в танке люк и застрелился. И это – потери! Да и дебилизм процветал, ведь проблем с оружием не было, гранаты, патроны, - всё под рукой! Зашёл в обеденный перерыв к землякам в модуль, - это казарма, как барак. Там прапор Лёшка распоряжался, - земляк, со станции Шаля, он был командиром взвода охраны. Присел к Тофику, так знакомого Толю называли. Тот лежал на кровати, разговор такой вялотекущий получился. Зачем то он открыл тумбочку, а в ней лимонки, патроны.... У нас, помню, за каждый патрон отсчитывались, когда служил на срочной.

Лето восемьдесят пятого года – жара! Стоим с Лёшкой Малышевым на КПП, курим. Замполит, рыжий майор, за воротами. Раз 157 ЗИЛ подъезжает. Водила: «Открывай быстрее! Ротного застрелил часовой в живот. Заехали, начали разбираться с инцидентом, раненого отправлять в госпиталь. Я спросил: «Что такое, что с часовым солдатиком будет, осудят?» Он ответил, что шум поднимать, никому нет выгоды, а есть такие точки - дизбаты, откуда не возвращаются.

Тарас из Кабула перевёлся водителем к нам в автомобильную бригаду. В Кабуле служил в КЭЧи. Поездка была в Хайратон. Загрузился соляной кислотой. Есть такие двадцати литровые бутылки, для заправки аккумуляторов, которые обкладывались тонкими досочками и заполнялись стружкой. Но тара, надо сказать, в основном хрупкая. Не проконтролировал Тарас, что б не грохнулись бутылки...

Я тоже их возил несколько раз, так диском прокладывал, чтоб не болтались в дороге. В очередной раз, помню, при разгрузке у того солдата, что с машины подавал, днище тары выпало, бутылка грохнулась на землю и разбилась. Ну и на нас плеснуло немного. Хорошо, что тут же водовозка стояла, подъехала - сразу окатили водой, всё сошло нам, не обожглись!

- Помнишь, Таня, была у нас в старших классах, молоденькая химичка, Татьяна Павловна? Так с её уроков ещё усвоил, что сразу, если что, надо кислоту обильно водой смывать.

Так вот, с Тарасом поехала Жанна по делам, с каким-то отчётом. Она работала в Хайратоне и вышла замуж за Жорку спецназовца, его списали после серьёзного ранения и он оказался у нас. Машина тряслась по неровной дороге, и бутылка разбилась, кислота разлилась по прицепу. Шланги тормозные пережгло. Если б машина хоть на бок завалилась, а то нырнула кабиной вниз и ушла в пропасть. Груз пошёл тоже вниз, прижал к рулю Тараса и всё, без вариантов. Полилась кислота, и сгорели сразу. Жанну отправили на вертушке. Сколько ей отмеряно было жизни? Тараса я знал...

Еду однажды в Кабул. Остановка. Прапор рассказывает, что видел передачу одного приехавшего корреспондента, который часто бывал в Афгане. А тогда телевизоры привезли маленькие, красненькие такие, - «Юность»; смотрели, вроде как, одну программу, плохонько работали, но всё же. Ведёт тот корреспондент, значит, передачу: «Пора уходить, обстрел»!

- А ты знаешь, как сделали передачу, - говорит прапор: - подожгли наливники, а стреляли наши солдатики, якобы нападение... Имитация, чтоб сделать репортаж, якобы был тот корреспондент в опасной точке! В Кабуле, рассказывают солдаты, он, как свинья напился и начал докапываться до наших девчонок. Мы чуть его не отлупили! Таких там не уважали...

- На работе у меня, уже в Миассе, - говорит Женя, с двумя мужиками сидели разговаривали. Срочники говорят, Афганцы. Где были, - спрашиваю, интересно же, а им и

рассказать нечего. Ну, мол, сидели мы под палаткой. Мышь бежала, мы и прошили её штыком! Другой говорит: я весь Афган объездил! Ты был там-то, там-то, спрашиваю. Так – нет! Нет и нет, на том и разговор закончили. У всех на той войне всё по-разному было.

В Кабуле вольное обращение с оружием, хочешь пострелять – постреляй!

Был там у меня знакомый, почти земляк, из Магнитогорска. Кликуха у него была Штурман, а фамилию не помню. Редко его видел и мало с ним контактил. Как-то раз в душ к нему заезжал помыться, а тут в КЕЧи заскочил. Захожу в ангар, где он был машинистом, смотрю чан с заплатами и дыры в потолке... Стены там все обшиты профнастилом. На дежурстве Штурман проверял обычно манометры, - давление держал в норме, а между делом книжки читал. Рассказывает мне:

- Периодически хожу и проверяю давление, зашёл за чан, (чаны 4 метра в высоту) вдруг слышу громкий стук в дверь, выглядываю, а там стоит спецназовец пьяный, очередь даёт, прострочил чан и крышу. Пар засвистел из пробоин...

Глаза кровью налиты, кричит: «Выходи, кто живой»! Я спрятался за чан, пока он не вышел, потом побежал к начальству, доложил об инциденте. Утром меня допросили как, да что...

Их начальник утром выстроил всех в строй. Я прошёл мимо всех, чтобы опознать, кто был «ночным Рембо». Узнал его, конечно, но не сознался, - не хотелось солдата подводить. Он из диверсионной группы, разведчик. Они с рейда были. Охотились за бандой - задание выполняли. Дали им отдохнуть, они и расслаблялись, как могли. Что ему почудилось? Или «крыша» у пьяного поехала? За то, что не выдал, - отблагодарили в тот же день - литр водки принесли. Посидели, выпили вместе и полюбовно разошлись.

- Говорят, что приезжали в Афган наши артисты, видел ли кого из них? – спрашиваю Женю.

- Приехал однажды в Баграм, ночевал там. Объявили, что будет концерт, собрались, ждём. Офицер приходит и говорит, что концерта не будет, - траур. Вертушку нашу сбили душманы. Вышли покурить, у нас свет горит, а за порогом чёрная ночь. Стою против света, в проёме жилого модуля - длинного по форме. Офицер предупредил, чтоб отошёл от проёма, а то снайпер увидит и хлопнет.

- Так горы вроде далеко, - говорю. У снайперов есть дальнобойные винтовки - БУРЫ, ещё от англичан остались. В темноте духам с гор спуститься и подкрасться ближе – не проблема.

В Кабуле не удалось попасть и на концерт Иосифа Кобзона. Очень о том сожалели и сгоряча, постреляли из автоматов в небо. Хотя голос его слышали и на улице, погода была хорошая. Он пел песню «...бой гремел в окрестностях Кабула». Говорят, что в каждом концерте, в зависимости от того, где этот концерт проходил, он менял название города. Бой мог греметь и в окрестностях Баграма, или Кундуза.

А в Пули-Хумри приезжала прибалтийская группа, название не помню...

- Помнишь, Таня, была в семидесятом году модная песня, - «Песенка велосипедиста», - пели её «Поющие гитары»? А в Хумрях спели её с прибалтийским акцентом.

Концерт проходил в солдатском клубе, имеющем вид ангара. И посередине песни, как шархнет! На возвышенностях наши точки стояли и палили по секторам, у каждого был свой сектор обстрела. Певица от неожиданности ухнула. Весь облегчённый модуль задрожал, - это сборно-щитовая казарма. Певица от неожиданности ухнула, но быстро собралась и допела. Вот и всё, что «культурного» там сумели почерпнуть. А так, ну песни под гитару пели, тематика в основном Афганская. Ансамбль «Каскад» любили слушать песни Сергея Ермака.

Пули-Хумри, долина как мертвая пустыня.
И только нить дороги проходит сквозь нее.
Здесь друга повстречаешь и многое узнаешь.
И радости и горя хлебнешь тут через край.

На японских магнитофонах слушали, переписывали друг у друга. Уже кассетные были магнитофоны здесь, а в Союзе, в основном, – плёночные. Приезжали ребята из отпуска, привозили плёнки Барыкина, Новикова. Домой разрешали увозить один блок кассет японских, пять штук, - всё было лимитировано.

Один раз повеселились не стандартным образом, - попробовали марихуану на вечеринке. Собрались у приехавших из отпуска парней. Они трое призывались в одно время с военкомата Минводы и жили в одной комнате: прапор Малышев Лёшка, Шарапов, - так он себя и все его, почему-то, называли, а в миру - Сашка Разумов и Тофик. Тофик - Толька с Асбеста, - бывший земляк. В Минводы, он с женой переехал, и жили там в последнее время. Помню, на нашей вечеринке военный врач был, - майор, здоровый такой, похожий на Рошфора из «Трёх мушкетёров» и ещё несколько офицеров.

Привезли парни из дома, из Минвод, «Стрижамент» – горькую настойку тридцати семи градусов, настоянную на целебных травах, названную в честь одноимённой горы в Предкавказье. В то время в Союзе «Стрижамент» был ценным сувениром, который можно

было привезти с Кавказа.

Шарапов предложил, давайте, мол, «косяк забьём». Лёшка Малыш часовому:

- Быстро косяк принеси!

- Солдатик «прошустрил» и быстро доставил, водилась видно эта «дурь» у некоторых солдатиков. Содержимое папиросок выкрошили и марихуаной набили. По пьяни, видно, на подвиги поманило! Я ничего не испытал, чуть-чуть голова заболела. Я ведь всего раз другой затянулся, да, видно, выпил настойки меньше, а Шарапов ухахатывался, как дурной. Врач, сидевший с нами, говорит: «Нет, это он не придуривается, это эффект такой, - «дурь» вместе со спиртным!»! Было это со мной первый и последний раз.

Я заинтересовалась после беседы по телефону с Женей, что это за напиток, почему о нём никогда не слышала? Интернет, как всегда, в помощь! Прочла, что именно эта настойка с таким необычным названием, во многом помогла Михаилу Горбачёву решать проблемы Ставропольского края и продвигаться по карьерной лестнице вплоть до генсека СССР. «Стрижамент» считался фирменным спиртным партийной элиты. И ещё красиво так сказано: напиток глубокий, деликатный, идеально подходящий для неспешных дружеских посиделок. Деликатной вышла посиделочка!

Перевал Саланг

*«На Саланге зимой очень страшно и жутко,
Но колонна возьмет не такой перевал.
Пусть колеса скользят, пропасть рядом не шутка,
Тот, кто взял перевал тот мужчиною стал».*
Сергей Ермак.

Первая моя командировка в Кабул. Грузовые с крылышками машины возили до восьми тонн. Салангское ущелье. Два километра семьсот метров в скале пробито. Впереди колонна, тихо идут. Когда вышли из тоннеля, то мы решили обогнать, так как - пыль. Мы едем на одной машине с Сашкой Коваленко из Донецка, двигатели везём. А нам быстро мотануться надо, туда и обратно, чтоб за день успеть. Колонна идёт, - горы слева, а пропасть - справа. Мы решили мимо колонны. Но, немножко не рассчитали, - думали, что проскочим. А дорога – хуже некуда! Когда идёт с гор вода, то появляются щели, промоины. Камазовское колёсо провисло. Проскочили, называется! Сашка побелел, - сильно испугался. Я тоже, но до меня позднее это дошло. Скорость набрали, а машина была тяжёлая, гружёная под завязку. Что сейчас первое в голову приходит? Безалаберность, и некая похеренность...

Отдельная тема – Саланг. Сколько раз приходилось и нам преодолевать этот перевал. Колонны с гружёными машинами раньше ходили хаотично. Потом три дня на запад, четыре - на восток. Это чтоб не пересекались. А там окна закрывали в машинах, от испарений солянки глаза щиплет. Солдатам перед выездом выдаются не противогазы, в них очень жарко, а коробки с трубкой, чтоб в рот и дышать. Если одна машина заглохнет, то и другие стоят. В день столько колонн проходило, а в колонне по двадцать машин. Машины газуют, газуют...

Так, задохнулось много солдат от выхлопных газов, в основном в середине тоннеля. Было в год один или два случая гибели в тоннеле от угара.

Это было до меня ещё. Да, много писали про это, читала, наверное? Двадцать третьего февраля восьмидесятого года шестнадцать солдат задохнулись. А третьего ноября восемьдесят второго, в тоннеле в возникшей пробке уже сто семьдесят шесть человек погибло. Такая страшная трагедия произошла...

Спуск с перевала Саланг. Там ночуют. Колонна останавливается, разводят костры, готовят. Духи тоже не дураки. С гор они лупят ночами. Наши солдаты, водители, - кто куда, кто под камень, кто под куст...

Двадцать две машины сгорело. Про убитых же не принято говорить, - сколько их?

«Чекушки» и дуканы

- Солдаты копили чеки. Один чек Внешпосылторга - эквивалент российского рубля. В магазинах военторга товар продавался по чекам. В выплатном пункте давали денег, чтоб домой уехать и обменять в наших валютных магазинах «Берёзка». Но это было при нас, а после восемьдесят девятого года уже запретили. Офицеры, конечно и получали больше и обменивали соответственно, больше. Солдаты – срочники, кто два года отбыл, деньги старались не использовать, сколько могли, копили, чтоб после купить подарки родным, своей девушке. Только подарки те отбирали частенько потом на пограничном пункте. Покупали платки с люрексом в дуканах, - два, три. Модные кроссовки «Адидас». До города Термеза такси пасли нас. Продавали платки таксистам на таможне, при пересечении Аму-Дарьи. Через дуканы тоже доставали советский дефицит. Дуканы - это маленькие торговые лавки, небольшие частные магазинчики.

В поездках по дорогам из города в город мы порой останавливались у крытых палаток, покупали фрукты у Афганских торгашей. Таких дынь сладких я больше нигде не

ел! Сладость во рту была невероятная после съеденного ломтика этой дыни. Только минералкой можно запить. А апельсины из Джелалабада - вкуснейшие! Довелось с одним парнем за ночь съесть два мешка апельсинов! В наших супермаркетах таких не увидишь! И гранаты спелые, тёмно-красные, сок по рукам течёт, ешь - даже косточек не чувствуется!

Эта уличная торговля была чревата сюрпризами. Проезжая один кишлак решили купить лепёшек. Они вроде пиццы: мясо, зелень на них какая-то. Там мальчишки Афганские – бачата чумазые бегают у торговых лавок, что-то выманивают. Мясо на лепёшке мне не понравилось на этот раз, грубоватое показалось. Обратно едем, я торговцу говорю: «Что-то в этот раз не очень лепёшки были»...

Те же бачата рядом бегают. Один из них подбежал, заглядывает в глаза и с усмешкой мне:

- Эй, командор, собачатину ели! Вот так, - первый и, надеюсь, последний раз, - отведал собачатины!

- А откуда туда товары поставлялись? - спрашиваю я.

- Товары завозили караваны. Продавались японские часы, японские приёмники, магнитофоны, - китайских товаров было меньше. Сам заходил в дуكان, видел бензиновые масляные генераторы, для лампочек, их используют, когда нет света. Весь наш Советский дефицит можно было приобрести: спортивные костюмы, джинсы, батники, модные тогда у нас «дипломаты» - чемоданчики, женские аксессуары, сладости различные...

Превратности солдатской судьбы

*«А кто-то колонной по горным дорогам
Уходит с войны прямо в мирную жизнь...
Здесь все, как один мы, ходили под Богом,
Но жаль только ангелы всем не нашлись!»
Серж Антонов.*

В самые первые дни по приезду в часть, когда меня ещё не ставили в колонну, столкнулся я с первым случаем смерти, такого же, как я, приехавшего работать по найму.

Вечером пошли мы с тёзкой Женькой на танцульки под магнитофон в один из модулей. Только вернулись назад, уже легли в постель, спать собрались и тут услышали взрыв, даже модуль наш вздрогнул и зашатался, но мы уже тогда стали привыкать, - везде и всюду бабахает!

Прибегает наш командир Никитенко, громко кричит:

- Наши все на месте?

- Что такое?

- Подорвался на гранате вольнонаёмный!

Мы следом за ним на улицу. Мартовская ночь, ледок под ногами похрустывает, под фонарём группа офицеров топчется, курят. Рядом лежит подорвавшийся парень, правая сторона тела взрывом разворочена. Невдалеке окровавленная кисть руки...

Стоим, ждём солдата с фотоаппаратом, - зафиксировать инцидент. Мороз пробирает, от холодного ночного воздуха и по телу нервная дрожь. Один дурак ещё взял и поднял кисть двумя пальцами. Офицер одёрнул его:

- Не тронь, пусть как было, сейчас фотоаппарат принесут.

Граната была, не большой мощности, а рука видимо к животу была прижата. От взрывной волны части внутренностей оказались на стене ближнего модуля – видно рядом проходил. Там, под открытым тентом на лавочке сидел офицер подполковник, разговаривал с какой – то женщиной. Взрывная волна, - осколками её зацепило, но видно не сильно, через три дня выписали из госпиталя. А подполковнику досталось похуже, - в позвоночник ранение. Увезли в другой госпиталь.

Парень был из Питера, такой же, как я вольнонаёмный. Выпил лишнего, и с гранатой пошёл в женский модуль.

Нелепый случай, - а человека нет!

Отправили в цинковом гробу, пожалуйста, - тоже груз -200...

Мне тоже предлагали командировку в Союз, - сопровождающим, везти цинковые гробы. Отказался, - нет, мне такой отпуск не нужен! Обычно с грузом - 200 отправляли прапоров. Приехал один такой сопровождающий в Одессу, так отец убитого солдата, кинулся на него с топором, - нервы не выдержали.

Водитель узбек, с которым мы возили товары, уговорил: «Давай заедем в штаб армии, зайдём в «чекушку» за подарками для родных». В магазинах можно было много чего купить. Много импортного продавали. Обрато ехали, - дувалы из глины, стекла. За рулём снайпер - хлоикир. Жара, лето, форточка полуоткрыта. Из окна в форточку, - боковые окна из калёного стекла, - думал, камень прилетел. У водителя окно, как пеплом. Я усыпан осколками от стекла. А это, - снайпер промахнулся. Ангел – хранитель, наверное, всё же сильный у меня!

Таня, ты же смотрела мои Афганские фото? Обратила, наверное, внимание, что мы с ребятами сидим наверху подбитого танка? Так многие делали солдаты во время поездок. Взрывом сбрасывает всех, кто наверху, а кто в танке, тому часто - капец. В центр

расстреливают, сработает боекомплект, - подрываются все, - башню срывает, - шансов нет!

Приезжал частенько к нам из Баграма капитан Снегирёв, весёлый симпатичный парень. Он был зам. потех десантного - парашютного полка. Генерал Борис Грачёв ещё воевал в этом же полку.

Не пощадила судьба капитана на пути в Баграм. Справа была Чарикарская «зелёнка», а слева Баграмская «зелёнка», когда с Саланга спустились, то стали проезжать через пересохшую речку по мостику с одним пролётом. А мостик то всего метров шесть.... Ехал Снегирёв с солдатами на броне, правым колесом на обочину заехали и угодили на мину. Всех сбросило взрывом, а он слетел с брони и ударился головой о перила. Приехали ребята и говорят, что Снегирь погиб, - кликуха у него такая была. Вот судьба, - случайность какая-то и нет Снегирия...

Мой командир Никитенко Никита Никитович, - западник с Ровно, был мерзкий человек, патологический трус.

- Как так, командир и трус?

- Да там, Таня, кого только не увидишь! Ехали они как - то с бронегруппой, и под обстрел попали на большом перевале. Он так перепугался, что больше не отлучался из части. Мы обычно в дуكان правдами и неправдами ездили, чтоб что-то купить в подарок своим, а он скупал всё у прапоров, - сам боялся ездить в Кабул. В мае восемьдесят пятого года, перед приездом своего заменщика из Союза, который должен был служить в Афгане после него, попал наш командир со скарлатиной в госпиталь. После выписки пришёл в часть в «синьке», так пижаму синего цвета у нас называли. Голос его я не узнал, после болезни впечатление - клёкот орлиный изо рта. Провожать его никто не пошёл, не уважали его. На замену Никитенко пришёл «майор Вихрь». Хороший был мужик. Он после Вьетнама.

Служила у нас секретчица, - ответственная за хранение секретных документов, Симовская Лида из Питера. Так вот, отслужив, поехала она свою жизнь устраивать на запад страны. Заехала в Ровно. Потом нам рассказала, как Никита свою смерть нашёл. Пошёл вынести, уже дома, мусор, - машина сбила. В Афгане пронесло, - зря боялся, а дома, на ровном месте – настигло. Вот судьба!

Помню ещё Аню Галенда с западной Украины. Звали её Ганнуця, она работала бухгалтером в части. Говорят у неё мужа на её глазах убили. Но где это было, не знаю.

Света ещё была из Харькова. Она рассказывала, что родственники с западной Украины, к которым она приезжала в гости, очень просили её не говорить, что она с востока! Тогда уже были враждебные отношения западников.

Где взвод стоит, то тут и дорожно-комендантская служба. Она регулирует движение на дороге. Приехала колонна из Кабула, наши ребята, их остановили. Нас там часто останавливали, если без колонны, - подождите! Курим, болтаем. Приехал прапор знакомый, подхожу:

- Есть минералка, нет? Залез к нему в кабину, сидим, курим, разговариваем. Гляжу, у знакомого водителя, украинца, дыра в лобовом стекле на уровне головы.

- Как тебя угораздило? – спрашиваю.

- Попали под обстрел. Еду, чувствую, КАМАЗ начал слева проседать, наверное, думаю, задний скат пробит, решил посмотреть. Дверь открыл и, в это время, пуля вошла... Лобовое стекло не рассыпается, триплекс, - два слоя стекла и прослойка, трескается и... дырка от пули. Если бы не наклонился...

Вдоль дороги - кладбище машин, БТР их сталкивает в пропасть, что б могли проехать другие.

- Женя, какие разные смерти, кто знал, что его ждёт в Афгане? Вот он калейдоскоп судеб! Как в стихах Сержа Антонова: «Была здесь правда каждому своя. И даже не сравнимы были смерти, но если будем живы ты и я, не сгинет правда в этой круговерти» -

- А вот, что я читал в газете: парень с города Серова, что находится на севере Свердловской области, принимал участие во взятии одного кишлака. Оторвало у него одну ступню. Сделали ему переливание крови, но внесли инфекцию. И его решили эвакуировать на вертушке. У нас, как было: везут в одну сторону боеприпасы, - обратно раненых. Только поднялись, пулемётом ДШК, или стингером ПЗРК американским срезает вертушку. Все погибли, а он выжил. Духи взяли его в плен, бросили на обозрение, а местные дети и женщины из кишлака проходя мимо, бросали в него камни. Это у них обычное дело, - забивают, а потом в яму, в которой пленных держат. Выбили камнем глаз парню. Домой уже похоронка на него пришла...

А когда наши стали вновь кишлак брать, он пытался бежать навстречу на каких-то самодельных костылях. Вроде убили. Вторую послали похоронку родным.... Не знаю точно, жив ли? Сильно его история меня потрясла... Таня, ты про это обязательно

напиши...

И ещё, прошу, напиши про младшего брата нашего одноклассника Серёжи Сажаева, - Сашу. Он ведь тоже погиб в Афгане в восемьдесят пятом, в то время я уже там был четыре месяца.

Саша Сажаев

*«Мы в войну не играли,
Мы в ней попросту жили...»
Александр Бычков.*

Да, в семье Сажаевых было три сына. Серёжа учился с нами, приехал к нам в седьмой класс, на два класса младше учился Юра, а Саша был ещё совсем маленьким. Помню, Нина Николаевна, Сашина мама, возила его на коляске по школьному двору, - она преподавала в начальной школе. Их отец Виктор Андреевич, был начальником ПМК в нашем селе, а мой работал там же в плановом отделе. Иногда он заходил к нам в гости, и они за рюмочкой разговаривали о жизни, о работе. Затем Виктора Андреевича перевели по партийной линии работать в другое село. Прожили они у нас всего три года, но очень запомнились. Семья была культурная, дети воспитанные, хорошо учились.

Забрали в армию Сашу со второго курса КСХА служить в Республику Афганистан в мае тысяча девятьсот восемьдесят четвёртого года. Он принимал участие в двадцати двух боевых операциях. Двадцать первого июня восемьдесят пятого года, занимая огневую позицию, погиб при подрыве САО на mine в районе кишлака Дехсаб, провинции Кабул, награждён орденом Красной Звезды. Посмертно. На здании факультета промышленного и гражданского строительства КСХА, где он учился, сейчас висит мемориальная доска в память о воине – десантнике Сажаеве Александре Викторовиче.

Пыталась поискать о нём на афганских сайтах. Нашла в комментариях одного из сайтов переписку афганцев – ветеранов, они писали о Сажаеве Александре. Я связалась с бывшим афганцем, Тарасовым Алексеем, узнала, что Саша был механиком НОУ 963. Были в одном экипаже с Машковым Сергеем. Саша сразу погиб, его осколками убило на месте, а Машков умер на другой день в госпитале. Алексей выслал три фото, старые, выцветшие от времени. Я выбрала одну, где более чётко видны лица.

- Какой был Саша? – спросила я.

Алексей Тарасов ответил:

- Нормальный парень был, даже не знаю, что о нем сказать... на фото второй слева во втором ряду. Знал, служили вместе с

ноября восемьдесят четвёртого до момента его гибели. Фото делал я, - Саша здесь ещё живой...

Похоронен Саша в селе Меньшиково, где семья жила в последнее время.

Домой

*« Мне надоело здесь давно, хочу лишь только я домой,
Хочу лишь посидеть у тихой речки,
Хочу услышать шум берез,
хочу не видеть больше слез,
Хочу, чтоб это было долго – долго, вечно».*
Сергей Ермак.

- Видела, Таня фильм «Девятая рота»? Там был сбит самолёт ту-104 с дембелями. Подобное и при мне было...

У нас, в Килагайской долине дома щитовые были. Сидим в них, а штурмовик афганский над крышей пролетел, ушёл за гору. Шёл без ведомого. Только посидели, он по новой, разворот и опять гул. Попытка сесть на железку - вертолётная площадка. Эта площадка не асфальтированная, а из перфорированного железа. Садись «коровы» - МИ-26. Вертолёт грузовые, у них не большой разгон. Садиться на железку вообще авантюра большая. Толи бензин у того штурмовика закончился? Он нацелился, сирена завизжала. Два вертолётчика летели, одна вертушка не успела уйти с полосы, - поднялся, как ядерный взрыв, - гриб. Пять или семь человек - как корова языком слизала. Обидно за парней, домой летели, могли бы быть там через несколько часов...

Восемьдесят шестой год, лето. Приезжал в Кабул Эдуард Шеварнадзе на переговоры о поэтапном выводе наших войск из Афгана. Подъезжаем к Кабулу. Останавливают на КП.

- Асфальт что-то чистый! Что это?- спрашиваю я.

- Эдуард Шеварнадзе прилетает на несколько часов.

Я видел только, как он взлетал. Витками самолёт набирает высоту, чтоб под стингер не попасть. Его окружили вертушки, для прикрытия. Когда взлетел, - вертушки рассеялись.

Был свидетелем первого вывода войск в восемьдесят шестом году. Раззвонили тогда на весь мир, что выводят войска из Кабула, Кушки. Вывели шесть первых полков: танкового, двух мотострелковых, трёх зенитных.

Полки уже вышли в это время из Кабула, шли несколько дней колонной, когда я приехал из поездки в Хайратон. Мы

сходили в баню. Лежим в постели, отдыхаем с приятелями, болтаем, анекдоты рассказываем, кто в карты играет...

Был двенадцатый час ночи. Вдруг стук в дверь. Вызывают к начальнику.

Захожу, а он говорит, чтоб сегодня через два - три часа в рейс собирались. Я отвечаю, что мы только сегодня из рейса, никого же не пускают...

Замполит, проводивший накануне занятие, - довёл до всех задачу - не выпускать наши колонны с машинами. Движение запретили, что б не было пробок при выводе войсковых частей. Ахмад Шах Масуд, по прозвищу Панджшерский лев, контролировавший Саланг, северную и центральную часть территории Афганистана, пообещал подпортить вывод, поэтому боялись засад.

Начальник резко: - «Не твоё дело!»! На КПП приезжайте, вас выпустят и выведут».

А полки уже в это время ночевали в Пули-Хумри. Поставили палатки танкисты, проверяли их.

За день, думаем, не успеем дойти до места, и выехали ночью со светом фар под прикрытием БТР. Они нас вывели за Айбак, встали на пост, а дальше мы пошли двумя машинами. И, уже на подфарниках, прошли два перевала перед рассветом. А там, после кишлака Айбак, до Хайратона уже пустыня.

Машины наши в обед назад отправили и опять пустые...

Уже дома, через много лет до меня дошло, что нас, как на живца использовали, - нет ли засад. Шли мы без прикрытия, а тогда и не думал...

Последняя моя командировка была в Кабул, в общем, - рядовая поездка. А была возможность поехать в Джелалобад, но место мне не знакомое, раньше туда не ездил. Там добро постреливали. Не стал искушать судьбу. В Кабуле пошли в самоволку, надо было купить кое-что для дома. Купили подарки на последние деньги.

Был знаком с девчонкой из Тюмени, библиотечаршей нашей, кинокрутшей, - так называли, - кино нам в клубе показывала. Захожу как-то в библиотеку, газету «Красную звезду» полистать, - других не было. И узнаю, что поехала она домой, но не через Хайратон, а через Кабул, что б подарков родне купить, - попала под обстрел, погибла. Никогда туда не ездила, - дело случая.

Вот и окончилось моё пребывание в Афгане, истекли мои два года «на юге за речкой». Так мы называли эту выжженную солнцем землю, обильно пропитанную кровью наших солдат. Ждал, конечно, но, когда пришёл срок возвращаться на Родину, какое – то странное чувство возникло, как-то грустно было прощаться со всем тем, к чему привык за

эти два года, хотя и «крыли» частенько всё здешнее: и погоду, и природу, и происки душманов.

Сколько раз за те два года стоял у моста через Амударью, соединяющего военный Афган с Родиной. Часть стояла рядом с Амударьёй. Пограничники мост охраняли с двух сторон. И мы, иногда, оставались ночевать, под открытым небом, когда не успевали загрузиться. Переговаривались с часовыми, мы им сигарет давали, - они нам кефир приносили. Я, помню, не раз стоял и смотрел за речку и думал, - там дом...

- Женя, я слушала вчера группу «Каскад». Всё точно, как в песне Сергея Ермака «Там за речкой»:

Ты покинешь Афган и поедешь домой,
Мирной жизнью теперь заживёшь со страной.
Пусть проносятся дни и проходят года
Помни, в сердце храни, не забудь никогда.
Те два года там за речкой,
Те два года там за речкой.

У него псевдоним был Килогайский, - там же служил, и в одно, где-то, время с тобой.

- И тогда, - продолжает Женя, на Афганской стороне границы, я не раз видел солдат - дембелей в парадке, с орденами - медалями, наглаженные сидят на песке, газеты подстелили. Ждут, что б утром, если пойдут машины, - пересечь мост. День, два сидят... Бедные, даже жалко, прошли огонь и воду и сидят...

Как можно не думать о людях?

С приятелем Женькой, из Одессы, вместе проработали здесь два года, и уезжать решили вместе. Он только на месяц раньше меня в Афган приехал. Женька пытался ещё на год остаться, - не вышло. Давай, говорю, доделывай документы, подожду, день, другой и вместе рванём в Союз! Домой!

Вот и мы на машине пересекаем границу, у таможни здание вроде шайбы. Так и называли – шайба! В Термезе выплатной пункт, там выдают деньги.

Сначала в Термезе день провели, ждали самолёт, всё билетов не было. Подвозил узбек на машине, разговорились, в гости пригласил нас. У него дома сидели на корточках за столиком на небольшом низеньком помосте, покрытом ковром; чай пили, ели. Привезите, мол, наркоту, что ремки всякие возите. Думал, что мы в Афган едем, а не оттуда!

До Ташкента с Женькой ехали на поезде. Вместе сняли квартиру у узбеков. По Ташкенту прогулялись, в кино ходили.

Город красивый в центре, - отстроенный после землетрясения, окраина - старые дома, глинобитные.

Дня два там провели, а после по своим дорогам разъехались. Из Ташкента он на три часа раньше улетел, а я ещё болтался по аэропорту. Потом на Ту-134 и домой!

В восемьдесят девятом году я даже раз подгадал поехать в Одессу, в командировку. Встретились с тёзкой, повспоминали наши два года в Афгане. Пробыл там дня два, отыскивали Серёгу, по кличке Одесса, он жил рядом с оперным театром, вместе съездили на знаменитую барахолку. Не крытая, - на траве, на земле - до горизонта товары лежали. По улице Дерибасовской прогулялись, показали мне Потёмкинскую лестницу. Ещё в Одессе съездили к капитану Акимову, Фёдоровичу, - так мы его называли. Пожилой, добродушный мужик, лет пятидесяти. Очень был рад встрече. Жена его Женьку в школе учила. Потом я писал Женьке на старый адрес, не отвечал. Он вообще не любитель писать был, даже из Афгана домой, редко писал. Показывал ещё там письмо от матери, - она писала, что если и на это её письмо не ответит, то обратится к командиру. Потом пошла такая свистопляска с переименованием улиц на Украине. Искал, как переименовали, но всё, - потерялся тёзка мой.

Съездили и к Косте Пирожкову в Георгиевск, - полчаса езда от Одессы. Он в то время прибыл из Афгана, был в отпуске. Прозвище у него было – Скирда, потому как - волосы льняные, сноп волос! Приехал он в Афган на год позднее меня. Привёз из дома портативную горелку, всегда с ним была! В столовку иногда лень идти было, он сам готовил, из всего подручного: суп и кашу варил, - вкусно! Благо консервы всегда доступны были.

Позвонил мне недавно Женя и сказал, что нашёл сохранившееся письмо тридцатилетней давности к жене, зачитал:

- Привет из Афганистана. Вот сегодня последний вечер. Сейчас 22.30 по Кабульскому времени. Утром уедем из этой проклятой страны, что бы никогда не вернуться. Уже собрали чемоданы. Вроде бы сказано всё и ничего... Многое мы здесь увидели и многому научились на этой «необъявленной войне».

16 января 1987 года.

«Чтобы никогда не вернуться»... Но память не отстаёт, всё возвращается и возвращается...

Прочла стихи всё того же Сергея Ермака и поняла, что у всех, кто там побывал обострённая тоска по тем не лёгким годам в той «проклятой стране».

Да, я тоскую по Афганистану
По тому солнцу, ветру и песку
По тем друзьям, которых разбросало
Ещё по тем, которых не найду.
Злодейка жизнь сломала много судеб
И развела последние мосты
И пусть что есть, останется и будет,
И пусть кто есть, но только не кресты.
Виски посеребрило сединою,
В глазах необъяснимая печаль.
Мне трудно разобраться что со мною
И трудно разобраться, что мне жаль.
Куда-то вдаль, как пущенной стрелою,
Ушли года, опустошив колчан,
Но где-то там, за мутною рекою
Остался мой тогда Афганистан.
Мне грустно, я кривить душой не стану...
В глазах не объяснимая печаль.
Да, я тоскую по Афганистану,
По тем годам, которых мне не жаль.

Сны про Афган.

Однокласснику Пушкарёву Жене, посвящая...

Когда же выйдет срок и сон дурной прервётся:
В горах знакомых – серпантин, как нитка вьётся...
Солдат надгробья провожаю долгим взглядом
Я знаю, смерть за тем бугром гуляет рядом.
И догоняет липкий страх – опять засада,
Но по ущельям груз везти сквозь мины надо,
И в срок доставить, и назад, под артобстрелом,
То ангелам доверив жизнь, то БТРэрам.
Вновь солнце жарит, нет воды... Как губы сухи!
И распоясались совсем в зелёнке духи.
И сердце также жмёт во сне и не отпустит.
Лежать мне с болью до утра и чёрной грустью,
Перебирать до мелочей во тьме всё тоже...
От памяти освободить и сон не может.
Мне не забыть глаза друзей... Всплывают лица...
Ты будешь мне, Афганистан, до смерти снится!

13. 05.18

Саланг.1986. Внизу слева Женя,
Вверху слева тёзка Женя.

Айбак. 1986. Женя справа.

Кабул. В расположении части, спортгородок. Саша Сажаев, стоит второй слева во втором